

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Татаров А. А. Государство и исламские праздники в Кабардино-Балкарии : прошлое и настоящее / А. А. Татаров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 547—563. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-547-563.

Tatarov, A. A. (2025). State and Islamic Holidays in Kabardino-Balkaria: Past and Present. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 547-563. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-547-563. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Государство
и исламские праздники
в Кабардино-Балкарии:
прошлое и настоящее**

Татаров Азамат Амурович ^{1,2}
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

¹ Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

² Кабардино-Балкарский
государственный университет
им Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

**State and Islamic Holidays
in Kabardino-Balkaria:
Past and Present**

Azamat A. Tatarov ^{1,2}
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
traveller9090@mail.ru

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

² Kabardino-Balkarian
State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На примере Кабардино-Балкарии и на базе архивных и опубликованных данных предпринят исторический анализ государственной политики России в отношении исламских праздников на протяжении последнего столетия. Автор выделяет фактор исторического наследия, которое сформировалось в советскую эпоху. Сообщается, что в 1920-х годах исламские праздники в Кабардино-Балкарии впервые получили статус нерабочих дней. Уделено внимание периоду деятельности уполномоченных Совета по делам религиозных культов и Совета по делам религий в 1940—1980-х годах. Благодаря отчетным документам в оборот вводятся данные о тактике властей, а также количестве участников, местах проведения, гендерном составе мусульман, соблюдавших пост и участвовавших в коллективном проведении праздников. Утверждается, что для мусульман советской Кабардино-Балкарии праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам стали институтами сохранения религиозных обрядов в условиях жесткого секуляризма. Рассмотрен период исламского возрождения в постсоветский период, в ходе которого праздники вернули себе статус нерабочих дней регионального уровня. Показано, что органы власти и местного самоуправления, политические акторы активно включаются в организацию праздников с точки зрения политики идентичности и обеспечения рамок проведения общественных мероприятий.

Ключевые слова:

исламские праздники; Кабардино-Балкария; государственная политика; десекуляризация; реисламизация; конфессиональная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a historical analysis of the Russian government's policies regarding Islamic holidays over the past century, focusing on the case of Kabardino-Balkaria. Drawing on archival and published data, the author highlights the influence of historical legacies established during the Soviet era. It is noted that in the 1920s, Islamic holidays in Kabardino-Balkaria were officially recognized as non-working days for the first time. The study pays particular attention to the activities of the Council for Religious Affairs and the Council for Religious Cults during the 1940s to 1980s. Utilizing reporting documents, it introduces data on governmental tactics, as well as information regarding the number of participants, venues, and the gender composition of Muslims who observed fasting and engaged in communal celebrations. The article argues that for Muslims in Soviet Kabardino-Balkaria, the holidays of Uraza-Bayram and Kurban-Bayram became institutions for preserving religious practices amidst stringent secularism. Additionally, it examines the period of Islamic revival in the post-Soviet era, during which these holidays regained their status as regional non-working days. The findings demonstrate that government authorities and local self-governance bodies, along with political actors, actively participate in organizing these celebrations within the framework of identity politics and the regulation of public events.

Key words:

Islamic holidays; Kabardino-Balkaria; state policy; dесеcularization; re-Islamization; confessional policy.

Государство и исламские праздники в Кабардино-Балкарии: прошлое и настоящее

© Татаров А. А., 2025

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия традиционно стабильные институты играют важную роль в политике идентичности и легитимации российского государства на региональном уровне. К числу таких институтов относятся исламские праздники, характеризующиеся значительным интеграционным потенциалом. Многие принципы современной государственной политики в отношении исламских праздников были выработаны в годы советской власти: официальный нерабочий статус, определение физического пространства для празднования, вовлечение органов местной власти, определение ключевых дат духовными управлениями и др.

С учетом формального запрета исламских праздников с 1930-х годов советские авторы определяли их как неприемлемые и даже враждебные институты. К примеру, при оценке коллаборационизма в оккупированных немцами областях Северного Кавказа ряд историков указали на антисоветский характер проведения Ураза-байрам (праздник разговения) и Курбан-байрам (праздник жертвоприношения) в октябре и декабре 1942 года [Попутько и др., 1982, с. 289; Чекисты ..., 1987, с. 102].

С возвращением религии в публичное пространство отечественные исследователи с разной степенью подробности рассматривают прошлое и современность исламских праздников на примере регионов с точки зрения развития идентичности [Аккиева, 2010; Аккиева 2019, Бабич, 2003; Бабич и др., 2003; Малашенко, 2019; Маликов, 2011; Назукина 2011]. Однако историко-политическое измерение праздников мусульман остается практически неизученным объектом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье исламские праздники рассматриваются в контексте государственной политики на примере истории Кабардино-Балкарии. Результаты исследования приведены в трех разделах. В первом разделе рассмотрена ранняя советская политика, которая прошла путь от предоставления вре-

менных свобод мусульманам до жесткого секуляризма. Второй раздел посвящен периоду 1940—1980-х годов, когда участие мусульман в исламских праздниках стало объектом мониторинга и политики властей, стремившихся постепенно снизить уровень религиозности населения. Третий раздел охватывает постсоветский период, когда процесс возрождения религии снял прежние ограничения роли исламских праздников в публичном пространстве, повысив их общественную и политическую значимость.

Источниковая база исследования включает исторические документы и электронные ресурсы. Советский этап истории реконструируется на основе документов из Управления Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Информация о мероприятиях коллаборационистской администрации в оккупированной нацистами Кабардино-Балкарии по случаю Курбан-байрам в декабре 1942 года раскрыта в документах фонда Р-290. Материалы фонда Р-780 охватывают период после Великой Отечественной войны, когда вопросы взаимодействия с мусульманскими общинами находились в ведении Совета по делам религиозных культов (СпДРК) (с 1965 года — Совета по делам религий (СпДР)) и его региональных уполномоченных. В документах зафиксированы такие показатели, как (1) количество участников исламских праздников в отдельных населенных пунктах, в зарегистрированных и незарегистрированных общинах; (2) численность принесенного в жертву скота, (3) строгость соблюдения религиозного поста и т. д.

Опубликованные документы дополняют картину, охватывая 1920—1930-е годы и поздний советский период. Наконец, электронные ресурсы позволяют оценить место исламских праздников в современной конфессиональной политике.

Автор придерживается принципов историзма и объективности и использует историко-генетический метод, на основе которого прослеживаются характеристики и динамика политики государства в отношении исламских праздников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Между институтом легитимации и формальным запретом: 1920—1930-е годы

Ранняя советская политика не исключала экспериментальные методы в национальных регионах для повышения легитимности новой власти. В таких условиях исламские праздники изначально не воспринимались как прямая угроза государства. Несмотря на сгущающиеся тучи над публичной свободой религии, региональные власти предоставляли мусульманам официальные выходные дни. В Кодексах законов о труде РСФСР 1918 года и

1922 года помимо общегосударственных праздников допускалась возможность введения в регионах до 10 нерабочих дней с учетом местных условий. Так, согласно приказу ЦИК Кабардино-Балкарской АО от 25 июня 1925 года на празднование Курбан-байрам определялось два нерабочих дня для государственных и общественных организаций [Религии ..., 2008, с. 76].

Переход к индустриализации и коллективизации положил конец не долго длившимся формальным возможностям мусульман держать пост в священный месяц Рамадан и открыто праздновать Ураза-байрам и Курбан-байрам. Показательными стали события в сел. Карагач в июне 1931 года. На фоне закрытия мечетей и борьбы с мусульманским духовенством празднование Курбан-байрам жителями селения вылилось, в трактовке властей, в «массовое антисоветское выступление» [Там же, с. 78].

Советские и партийные органы считали религиозные праздники и соблюдение поста «отсталыми пережитками», мешающими процессу модернизации. Тем не менее эти институты сохранили устойчивость, компенсируя ограничения регулярных обрядов. Во многом благодаря этому «внемечетные», иными словами, регулярно не молящиеся мусульмане поддерживали определенный уровень своей религиозной идентичности.

3.2. Создание и развитие системы государственного мониторинга исламских праздников и поста Рамадан: середина 1940-х — 1980-е годы

Важную роль в переходе к новому этапу государственно-конфессиональных отношений сыграли годы Великой Отечественной войны. Нацистская оккупация Кабардино-Балкарии 1942—1943 годов продлилась от пяти до двух месяцев в зависимости от района. Но за этот короткий период состоялась интенсивная десекуляризация «снизу». Население воспользовалось падением антирелигиозных институтов в зоне оккупации, а духовные лица возобновили прежде запрещенную деятельность. Этому не мешали немцы, пытавшиеся не упустить шанс использовать политические технологии в период празднования Курбан-байрам в Нальчике в декабре 1942 года. Подготовительные мероприятия сопровождались сбором «пожертвований» для оккупационных войск и даже форсированным восстановлением религиозных институтов. Так, 16 декабря 1942 года коллаборационистская администрация Нальчикского района получила приказ об обязательном наличии мулл в каждом селении в день праздника [УЦГА АС КБР, ф. Р-290, оп. 1, ед. хр. 6, л. 6]. Прибывшая в Нальчик немецкая делегация организовала политическую повестку, суть которой сводилась к идее поддержки свободы религии со стороны Германии и критике советского порядка.

Ситуация после оккупации показала результаты кратковременного возрождения религии. Если к началу войны в Кабардино-Балкарии офи-

циально были закрыты все молитвенные дома, то теперь в каждом национальном селении находилась как минимум одна действующая мечеть. Последствия кратковременной десекуляризации сказались на популярности исламских праздников. В 1946 году власти зафиксировали, что в 10 селениях в ходе празднования Курбан-байрам было забито 50—60 голов крупного и 100—115 голов мелкого рогатого скота [Религии ..., с. 87].

Еще до завершения Великой Отечественной войны советская власть переходит к обновленной политике в отношении религии, в том числе ислама. В 1944 году создается Духовное управление мусульман (ДУМ) Северного Кавказа, а также СпДПК / СпДР при советском правительстве. Появление этих структур свидетельствовало о стремлении взять под контроль процесс незапланированного религиозного возрождения. С другой стороны, требовался ответ на политику нацистской Германии, которая стремилась настроить против СССР мусульман, в том числе северокавказских горцев.

Новая политика подразумевала регистрацию религиозных общин и духовных лиц и сбор данных региональными уполномоченными СпДПК. Помимо общих квартальных отчетов уполномоченные готовили специальные справки по прошедшим праздникам. Критерии мониторинга постепенно расширялись. Так, в декабре 1946 года для сбора сведений о ходе празднования Курбан-байрам уполномоченный по Кабардинской АССР (создана в 1944 году после депортации балкарского народа) должен был учитывать следующие критерии: возрастной и половой состав участников; место массовых молитвенных собраний; количество забитого скота; реализация шкур жертвенного скота; изменение цен на мясо; влияние праздника на производство и дисциплину труда [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 57—57 об.]. В 1949 году к ключевым пунктам собираемой информации по посту Рамадан, Ураза-байрам и Курбан-байрам добавилась статистика массовых намазов в зонах без зарегистрированных мечетей, а в 1950 году — сведения о прямо или косвенно причастных к празднику коммунистах и комсомольцах [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 24—25].

В эти годы готовились развернутые данные по посещаемости мечетей в селениях, населённых преимущественно кабардинцами. Средний уровень посещения мечетей в праздничные дни возрастал по меньшей мере в пять раз в сравнении с буднями. Процент участников праздников от местного населения был разным — к примеру, в сел. Верхний Куркужин он заметно превышал показатели по сел. Каменномостское, Кызбырун II и Шалушка (табл. 1).

В середине 1950-х годов в условиях начала новой волны антирелигиозной кампании в республике заметно усиливается бюрократический контроль над сферой религии. К сбору данных по исламским праздникам

Таблица 1

**Посещаемость мечетей в отдельных селениях Кабардинской АССР
на начало 1950-х годов ***

Место расположения мечети	Посещение мечети		
	Будни	Пятница	Праздники
Сел. Заюково (5959/7366) **	25—35	50—60	200—250
Сел. Кызбырун II (5144/7243)	20—25	35—40	150—200
Сел. Баксаненок (—/4752)	—	15-20	50—60
Сел. Каменноостское (5536/5526)	—	—	50—60
Сел. Верхний Куркужин (—/3748)	25—30	35—45	150—170
Сел. Нижний Куркужин (—/3937)	20—25	30—35	100—120
Сел. Шалушка (—/4920)	10—15	15—20	50—70

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. 780, оп. 1, ед. хр. 54 а, л. 79; Население ...].

** В скобках приводятся доступные данные переписей жителей селений в 1939 и 1970 годах, в которых кабардинцы составляли большинство жителей (свыше 90 %, кроме сел. Шалушка — свыше 80 %).

подключились районные власти. Усилилось внимание к мусульманскому посту. В апреле 1955 года накануне месяца Рамадан Совет Министров Кабардинской АССР разослал райсоветам депутатов трудящихся пояснительные записки. Помимо сбора информации на первый план вышла массово-разъяснительная работа с задействованием библиотек и прессы. Муниципальным властям предписывали противодействовать использованию верующими бывших зданий мечетей и пустующих помещений для совершения коллективных молитв. После Ураза-байрам председатели райсоветов и райисполкомов направляли развернутые отчетные справки в Совет Министров Кабардинской АССР. Убеждение населения во «вредности поста ... для жизни и здоровья» строилось на положениях об ущербе весенне-полевых работам и том, что из-за него «резко увеличится заболеваемость и потеря трудоспособности значительной части колхозников» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 5].

Повысилась детальность информации об отдельных хозяйственных объектах и гендерном контексте. Выяснилось, что в период месяца Рамадан (23 апреля — 23 мая 1955 года) в нальчикской артели «Горянка» из 160 кабардинок в возрасте от 17 до 55—60 лет большая часть держала пост в первый день. Ситуация начала меняться после регулярного проведения разъяснительных бесед и антирелигиозных лекций во время обеденных перерывов, и к концу Рамадана осталось лишь две постящиеся девушки. На швейной фабрике Нальчика из 188 девушек-кабардинок полный месяц-

ный пост соблюдали 11 чел. В городской кондитерской фабрике постящихся не выявили. Уполномоченный СпДРК по Кабардинской АССР Л. Аисов сделал выводы о том, что среди кабардинок на указанных объектах уровень соблюдения поста снизился в сравнении с 1953 и 1954 годами [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 15—16].

Убежденность в снижении публичного влияния мусульманских праздников и поста присутствовала и в других в отчетных документах за 1955 год. К примеру, и.о. председателя Нагорного райисполкома отмечал, что «[в] отличие от прошлых лет массовый намаз ... во время праздника “ураза-байрам” во всех населенных пунктах района в этом году не проводился ни на кладбищах, ни в помещениях» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 20]. В Кубинском районе пост соблюдали «только старики, которые по возрасту не были связаны с сельскохозяйственными работами в колхозах» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 24].

В отчете по Чегемскому району подчеркивалось, что причиной такой обстановки было соблюдение поста в скрытой форме без общественных молитв, которые, впрочем, проводились в домах колхозников. В течение месяца Рамадан в районе прочитали 11 лекций на антирелигиозные темы. Кроме того, в выпуске местной газеты от 9 мая 1955 года вышла статья «Почему я не соблюдаю пост “Ураза”?», написанная 79-летним стариком, который постился до революции 1917 года [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 22—23].

В преддверии праздника Курбан-байрам (30 июля 1955 года) в районы поступали схожие с вышеобозначенными инструкции, к которым добавилось «недопущение фактов убоя колхозного скота» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 29]. Тем не менее отчетные данные по пяти селам с зарегистрированными мечетями показали случаи массовых намазов в течение трех дней с участием преимущественно лиц преклонного возраста. По 200—250 участников праздника зафиксировали в сел. Заюково и Нижний Куркужин. Для того чтобы отговорить жителей от участия в празднике, власти задействовали кинопередвижки [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 90, л. 20—21].

С возвращением балкарцев из мест депортации в 1957 году численность зарегистрированных мусульманских общин не увеличилась. Но незарегистрированных служителей ислама оказалось по меньшей мере в четыре раза больше, чем официальных [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 33]. Они были зафиксированы теперь в некоторых балкарских селениях (Гунделен, Яникой, Советское и др.). К тому же времени сложилась статистика, свидетельствующая о заметном росте публичного значения религиозных праздников среди мусульман (табл. 2).

Таблица 2

Участие мусульман в богослужениях *

Посещения молитвенного дома	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Будни	10—15	10—5	20—25	45—50	45—50
Пятница	25—30	25—30	35—45	50—60	80—100
Праздники	70—80	80—90	100—150	150—200	250—350

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. 780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 34].

В сел. Кызбырун II и Заюково численность посетителей мечетей в годовые праздники увеличилась со средних 100—150 чел. в 1956 году до 200—250 чел. в 1959 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 25]. В 1958 году в ходе празднования Курбан-байрам по Кабардино-Балкарии было забито около 5 тыс. голов мелкого рогатого скота. Такая неблагоприятная для властей статистика была, по мнению уполномоченного Л. Аисова, связана с неэффективной научно-атеистической пропагандой и грубым административным вмешательством [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 33]. В 1959 году численность принесенного в жертву мелкого рогатого скота по Кабардино-Балкарии составила 10 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 5], в 1960 году — 12 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 37], в 1961 году — 8 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 93], в 1963 году — 8 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 73]. Ежегодной практикой стала сдача шкур забитого скота в республиканский Потребсоюз.

Несмотря на отсутствие официального признания праздников, дни Ураза-байрам и Курбан-байрам, начала и завершения поста устанавливались с санкции ДУМ Северного Кавказа. К примеру, в 1959 году ДУМ официально уведомил кади (духовного судью) Кабардино-Балкарской АССР о начале месяца Рамадан 11 марта. Однако разнобоя дат избежать не удалось, так как некоторые верующие начали поститься уже 9 марта [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 37].

В 1958—1960 годах снизилось число официальных обращений с прошениями об открытии общин и одновременно усилился интерес властей к положению в селениях без зарегистрированных мусульманских обществ и мулл. Последние выходили из правового поля, чтобы избежать уплаты подоходного налога, но при этом продолжали влиять на определение локальных дат праздников и начала поста. В таких населённых пунктах фиксировались коллективные намазы при участии 80—100 верующих. Наблюдались еще большие скопления людей, как, к примеру, 400 чел. (свыше

10 % от всех жителей-мусульман) в сел. Алтуд и 300 чел. (более 5 %) в сел. Гунделен во время Курбан-байрам в 1959 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 4—5]. В 1960 году в ряде селений были выявлены факты соблюдения поста ученицами 8—10 классов и случаи порицания непостоящей молодежи со стороны пожилых жителей [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 98].

Попытки влиять на незарегистрированные общины с помощью санкционирования собраний с получением разрешения местных органов власти привели к обратному эффекту: с конца 1950-х годов верующие стали реже обращаться за разрешением на общественные намазы. В 1960 году уполномоченный Л. Аисов отмечал, что в ответ на просьбу представителей незарегистрированных общин разрешить проведение коллективных вечерних намазов в период поста он разъяснил, что «организованное проведение молитв при отсутствии молитвенного дома проводить не следует» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 22].

Отчеты по 1960-м годам свидетельствовали о периодическом снижении числа участников коллективных молитв. Так, в сел. Кызбырун II и Заюково, входивших в число лидеров по масштабам прохождения праздников, общественные намазы во время празднования Ураза-байрам в 1965 году посетили примерно 100 чел., в то время как в сел. Чегем II, Псыгансу, Гунделен, Баксаненок, Нартан и др. — 15—50 чел. Меньшие по численности группы верующих молились в кладбищенских сторожках. Примечательно, что к этим местам было подключено электричество, и в некоторых случаях «с помощью местных руководителей колхозов» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 19, л. 9—10]. Также анализ документов показывает продолжение снижения числа жертвенного скота по республике — 5 тыс. голов в 1965 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 19, л. 11] и 4 тыс. голов в 1966 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 31, л. 32].

Для проведения работы с населением в период религиозного поста Рамадан уполномоченный Л. Аисов посещал различные населенные пункты. В январе-феврале 1964 года он совершил три выезда в районы для бесед с работниками сельских советов в 10 населенных пунктах [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 109]. Согласно официальным данным, незарегистрированные мечети «закрывались» на собраниях жителей села, а их посещение поступательно снижалось. В селениях без зарегистрированных общин местом сбора верующих, как и прежде, были кладбища. Так, в 1964 году в сел. Аргудан около 50 чел. собрались на кладбище под открытым небом, несмотря на февральский холод [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 110].

Относительно зарегистрированных общин Кабардино-Балкарии (ноябрь 1963 года) уполномоченный Л. Аисов отмечал, что посещаемость

5 официальных мечетей снижается, так как их здания годами не ремонтируются, зимой не отапливаются, и «мало остается людей, умеющих делать намаз» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 88].

Вместе с тем в отчетах уполномоченного Л. Аисова указывалось на сохранение некоторых тенденций. Так, в 1960 году он отметил, что в национальных селах пост Рамадан соблюдался большинством жителей в возрасте 35—40 лет и старше, в особенности женщинами [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 24]. Помимо 5 мусульманских (Кызбырун-II, Заюково, Нижний и Верхний Куркужин, Шалушка) в республике было как минимум 6 крупных незарегистрированных групп мусульман [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 12]. Наблюдался высокий уровень соблюдения обрядов. Во втором полугодии 1959 года в 6 населённых пунктах Чегемского района из 116 зарегистрированных смертей в 110 случаях похороны были проведены при участии мулл; на 271 зарегистрированный брак пришлось 260 процедур никаха (религиозного брака), проведенных священнослужителями [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 30]. На 1963 год были выявлены в качестве незарегистрированных 73 муллы и 31 мусульманская община [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 67].

В таких условиях, если не считать отдельные случаи, решительных изменений в уровне популярности праздников не наблюдалось. В мае 1963 года в ходе празднования Курбан-байрам в селениях с зарегистрированными мечетями в молитвах участвовало от 60 до 200 чел. Примерно таким же было положение в незарегистрированных общинах. В сел. Вольный аул собралось около 200 верующих, в сел. Урвань — 100 чел., в сел. Кызбырун-I — 70 чел., в сел. Лечинкай — 50 чел. Наибольшее число жертвоприношений было зафиксировано в Баксанском и Зольском районах. Так, в сел. Баксаненок скот резали в 600 дворах из общих 850 [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 73]. В 1966 году впервые было подсчитано общее число участников общественного намаза на празднование Курбан-байрам по всей республике — 55 мул и 1200—1500 верующих, в том числе женщин, которые молились отдельно от мужчин [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 31, л. 32].

К началу 1970-х годов произошли перемены в борьбе с религией и соблюдением законодательства с повышением участия органов внутренних дел и госбезопасности. Отчеты по Кабардино-Балкарии стали еще более детальными и содержали информацию по сборам денег и раздаче продуктов питания в период праздников. При этом официальные сведения были зачастую наполнены идеей новых успехов в борьбе с религией. Так, в отчете уполномоченного СпДР по Кабардино-Балкарии о праздновании Курбан-байрам за 1970 год отмечалось, что в селениях без зарегистрированных

мечетей не было общественных молитв на кладбищах и верующие собирались в домах по 10—15 чел. При этом отмечалось, что в 6 из 10 случаев забой скота является больше традицией «с учетом общественного мнения» [Религии ..., 2008, с. 102]. А по информации от Терского райисполкома во всем районе «в отличие от прошлых лет проведения религиозного праздника ... в 1970 году не наблюдалось» [Религии ..., 2008, с. 103].

Документы демонстрировали сокращение поступлений в зарегистрированные мусульманские общины — с 10 000 руб. до 1100 руб. в 1968—1974 годы [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 29, л. 17, 26, 34, 43, 50, 72, 84].

Однако фиксируемое снижение числа участников общественных молитв в дни праздников и в целом роли религиозных институтов скрывало действительное положение. Последние годы советской эпохи были отмечены не только всплеском этнической мобилизации в Кабардино-Балкарии и соседних регионах, в это время были заложены предпосылки религиозного возрождения. Старая система ДУМ Северного Кавказа и региональных кади сменилась утверждением республиканских духовных управлений. Начало работы ДУМ Кабардино-Балкарии в 1990 году совпало с возвращением статуса нерабочих дней для Ураза-байрам и Курбан-байрам.

3.3. Постсоветская десекуляризация и место исламских праздников в государственно-конфессиональных отношениях

Последние три десятилетия демонстрируют процесс десекуляризации «снизу» (рост влияния религиозных обрядов в повседневности и проникновение религии в публичное пространство) и «сверху» (вовлечение политических организаций и акторов в религиозную повестку). Наличие опубликованных данных позволяет выделить несколько тенденций относительно исламских праздников.

Ураза-байрам и Курбан-байрам получили статус выходных дней в мусульманских регионах Северного Кавказа. При этом новые духовные управления стали не только региональными инстанциями определения праздничных дат (по лунному календарю), но и посредниками при реализации политических мер. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в условиях эпидемиологической опасности из-за инфекции коронавируса ДУМ Кабардино-Балкарии призвало население воздерживаться от массовых собраний в дни исламских праздников.

По сложившейся в постсоветский период практике указы глав регионов в соответствии с обращением духовных управлений утверждают длительность исламских праздников. Однако наблюдается тенденция различий этих практик в населенных мусульманами республиках Северного Кавказа (табл. 3).

Таблица 3

Количество дней празднования Ураза-байрам и Курбан-байрам
в различных регионах Северного Кавказа в 2023 году
(на основе открытых данных)

Праздники	Адыгея	КЧР	КБР	Ингушетия	Чечня	Дагестан
Ураза-байрам	1 день 21 апреля	1 день 21 апреля	1 день 21 апреля	3 дня 20— 22 апреля	3 дня 20— 22 апреля	2 дня 20— 21 апреля
Курбан-байрам	1 день 28 июня	1 день 28 июня	1 день 28 июня	3 дня 28— 30 июня	5 дней 28 июня— 2 июля	3 дня 28— 30 июня

Наиболее сложный период работы ДУМ Кабардино-Балкарии пришелся на 2000-е годы. В условиях развития новых тенденций в республике среди молодежи появлялись сторонники фундаментальных идей и участники различных исламских организаций, в том числе с оппозиционными стремлениями. Это обусловило вовлечение праздников в конфликтное поле. В ноябре 2004 года группы так называемых «молодых мусульман» численностью около 1500 чел. демонстративно праздновали Ураза-байрам за день до даты, предложенной ДУМ [Религии ..., 2008, с. 150].

Несмотря на этот кейс в последующие годы исламские праздники все отчетливее выступали в качестве поля согласия и интеграции. Вовлеченность политических акторов в работу ДУМ и общественных организаций стала привычным явлением. При поддержке органов власти и местного самоуправления ежегодно организуются развлекательные мероприятия для детей, раздача угощений после завершения поста Рамадан, встречи населения с чиновниками и другие публичные действия.

Различные ведомства, политические акторы федерального и регионального уровней выступают с поздравлениями мусульман по случаю ключевых мероприятий религиозного календаря — начало месяца поста, Ураза-байрам и Курбан-байрам. В ряде случаев это сопровождается непосредственным участием политиков в мероприятиях. Так, в октябре 2012 года глава Кабардино-Балкарии А. Б. Канокон посетил соборную мечеть Нальчика и выделил 600 тыс. руб. из личного фонда на закупку жертвенного скота [Арсен Канокон ..., 2012].

В дни празднования Курбан-байрам органы местного самоуправления формируют планы по организации мест для забоя скота в соответствии с федеральным законодательством («Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», «О свободе совести и

о религиозных объединениях») и ежегодными указами главы Кабардино-Балкарии об установлении региональных выходных дней. В частности, в июне 2023 года администрация Нальчика заблаговременно утвердила порядок по вопросам транспорта, санитарных норм, охраны, освещения мероприятий во время празднования Курбан-байрам [План мероприятий ..., 2023].

Еще одна тенденция связана с формированием общественных практик, которые утверждают межнациональный и межконфессиональный баланс. В частности, в Кабардино-Балкарии это утверждается за счет симметричных решений, дающих статус официальных нерабочих дней датам памяти и возрождения в истории кабардинского и балкарского народов [Прасолов, 2017, с. 70]. В апреле 2023 года в республике симметрия в контексте этничности впервые перешла в сферу религии: христианский день поминовения, Радоница, был объявлен нерабочим днем спустя несколько дней после Ураза-байрам.

4. Заключение = Conclusions

Необычно либеральная позиция в отношении ислама на заре советской эпохи связана с экспериментальными попытками властей интегрировать идеи шариатского суда или института закята (сбора милостыни). Однако именно вопрос об исламских праздниках, которым временно был предоставлен статус нерабочих дней, являлся наиболее публичным проявлением конфессиональной политики в Кабардино-Балкарии.

Влияние Великой Отечественной войны выразилось в замене жестких санкций на более широкий спектр действий в отношении исламских праздников, включая как строгие административные меры, так и мониторинг. Последний стал возможен и благодаря новым институциональным возможностям, ежеквартальному сбору информации и ведению статистики в ходе работы Совета по делам религиозных культов / Совета по делам религий и региональных представительств. Искоренение религии превратилось в более долгосрочную задачу, а собранные данные должны были регулярно демонстрировать динамику положения религии и ее публичного влияния.

Постепенно усилилось внимание властей к незарегистрированным общинам. Характерно, что отчетные данные демонстрировали как «живучесть» религиозных институтов, в особенности исламских праздников, так и их ослабление. Это служило страховкой для региональных властей, которые должны были отправлять в Москву «нужные» показатели.

Период жесткого секуляризма 1920—1980 годов не искоренил важного общественного значения исламских праздников. Последние стали не только маркером активной реисламизации за прошедшие три десятилетия, но и объектом повышающегося интереса органов власти. Наблюдается рост

административного обеспечения и публичного участия политических акторов в организации и проведении мероприятий. Подобная политика тесно связана с обеспечением мира, стабильности и интеграции в таком многокомпонентном регионе, как Кабардино-Балкария.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
--	---

Источники и принятые сокращения

1. *Арсен* Каноков отпраздновал Курбан-байрам в Соборной мечети Нальчика [Электронный ресурс]. — 30 октября 2012. — Режим доступа : <https://dumrf.ru/common/regnews/5212> (дата обращения 24.08.2024).
2. *Население* Кабардино-Балкарии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (дата обращения: 26.08.2024).
3. *План мероприятий* по проведению ритуала жертвоприношения и реализации жертвенного скота в связи с празднованием Курбан-байрама [Электронный ресурс]. — 27 июня 2023. — Режим доступа : <https://admnalchik.ru/wp-content/uploads/2023/06/kurban-bajram-23-26.06.2023.pdf> (дата обращения 02.09.2024).
4. *Религии* и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии : сборник документов и материалов / под ред. А. Х. Карова. — Нальчик : Эль-Фа, 2008. — 562 с. — ISBN 978-5-88195-855-8.
5. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики. Ф. Р-290. (Коллекция печатных материалов, издававшихся в период временной оккупации Кабардино-Балкарии фашистскими захватчиками) Оп. 1. Д. 6. Л. 6 ; Ф. Р-780 (Уполномоченный совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по КБАССР) Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 24—25 ; Оп. 1. Ед. хр. 5 а. Л. 57—57 об. ; Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 5, 15—16, 20, 22—23, 24, 29 ; Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 20—21 ; Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 33 ; Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 25, 33, 37, 93, 98 ; Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 4—5, 12, 22, 24, 30, 37, 67, 73, 88, 109, 110 ; Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 9—10, 11 ; Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 17, 26, 34, 43, 50, 72, 84 ; Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 32.

Литература

1. *Аккиева С. И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике / С. И. Аккиева // *Россия и мусульманский мир.* — 2010. — № 11. — С. 66—76.
2. *Аккиева С. И.* Современная праздничная культура народов Кабардино-Балкарии / С. И. Аккиева // *Colloquium-journal.* — 2019. — № 25—6 (49). — С. 14—17.
3. *Бабич И.* Современные исламские общины в Кабардино-Балкарии / И. Бабич // *Россия и мусульманский мир.* — 2003. — № 7. — С. 48—61.
4. *Бабич И.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия / И. Бабич, А. Ярлыкапов. — Москва : Типография Российской Государственной библиотеки, 2003. — 143 с.
5. *Малашенко А. В.* Ислам : век XXI / А. В. Малашенко. — Москва : Институт Ближнего Востока, 2019. — 230 с. — ISBN 978-5-89394-302-3.
6. *Маликов Р. И.* Религиозные праздники татар-мусульман Казанской губернии в конце XIX — начале XX в. / Р. И. Маликов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* — 2011. — № 2 (5). — С. 60—63.

7. Назукина М. Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России (на примере Чечни) / М. Назукина // Россия и мусульманский мир. — 2011. — № 9. — С. 36—42.

8. Попутько А. Л. Именем ВЧК / А. Л. Попутько, Ю. Н. Христинин. — Ставрополь : Книжное издательство, 1982. — 319 с.

9. Прасолов Д. Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии / Д. Н. Прасолов // Неприкосновенный запас. — 2017. — № 2 (112). — С. 67—82.

10. Чекисты Кабардино-Балкарии / гл. ред. А. Ж. Губашиев. — Нальчик : Эльбрус, 1987. — 228 с.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024,
одобрена после рецензирования 05.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Action plan for the ritual of sacrifice and sale of sacrificial cattle in connection with the celebration of Eid al-Adha. (2023). Available at: <https://admnalchik.ru/wp-content/uploads/2023/06/kurban-bajram-23-26.06.2023.pdf> (accessed 02.09.2024). (In Russ.).

Arsen Kanokov celebrated Eid al-Adha at the Nalchik Cathedral Mosque. (2012). Available at: <https://dumrf.ru/common/regnews/5212> (accessed 24.06.2024). (In Russ.).

Karov, A. H. (ed.). *Religions and state-confessional relations in modern Kabardino-Balkaria. Collection of documents and materials.* Nalchik: El-Fa. 562 p. ISBN 978-5-88195-855-8. (In Russ.).

Population of Kabardino-Balkaria. Available at: <https://ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (accessed 26.08.2024). (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic.* (In Russ.).

References

Akkieva, S. I. (2010). Islam in the Kabardino-Balkarian Republic. *Russia and the Muslim World, 11*: 66—76. (In Russ.).

Akkieva, S. I. (2019). Modern festive culture of the peoples of Kabardino-Balkaria. *Colloquium-journal, 25—6 (49)*: 14—17. (In Russ.).

Babich, I. (2003). Modern Islamic communities in Kabardino-Balkaria. *Russia and the Muslim World, 7*: 48—61. (In Russ.).

Babich, I., Sklykapov, A. (2003). *The Islamic renaissance in modern Kabardino-Balkaria: prospects and consequences.* Moscow: Printing House of the Russian State Library. 143 p. (In Russ.).

Gubashiev, A. J. (ed.). (1987). *The Chekists of Kabardino-Balkaria.* Nalchik: Elbrus Publ. 228 p. (In Russ.).

Malashenko, A. V. (2019). *Islam: the XXI century.* Moscow: Institute of the Middle East. 230 p. ISBN 978-5-89394-302-3. (In Russ.).

Malikov, R. I. (2011). Religious holidays of Muslim Tatars of Kazan province in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities, 2 (5)*: 60—63. (In Russ.).

Nazukina, M. (2011). Islamic holidays as a mechanism for constructing regional identity in Russia (on the example of Chechnya). *Russia and the Muslim world, 9*: 36—42. (In Russ.).

Poputko, A. L., Khristinin, Yu. N. (1982). *Named after the Cheka*. Stavropol: Book Publishing House. 319 p. (In Russ.).

Prasolov, D. N. (2017). Commemorative practices in modern Kabardino-Balkaria. *Inviolable reserve*, 2 (112): 67—82. (In Russ.).

*The article was submitted 19.09.2024;
approved after reviewing 05.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*